

18+

На краю ночи

Эзра Бускис

Эзра Бускис
На краю ночи

«Издательские решения»

Бускис Э.

На краю ночи / Э. Бускис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832073-6

Надо так писать любовные сцены, чтобы у каждого из нас перехватывало дыхание в предчувствии, что на следующей странице все, абсолютно все, узнают имя. Мое имя! Именно так читается то, что пишет Эзра Бускис. Что можно увидеть, заглядывая под одеяло? Только душную темноту. Заглядывая же в сердце, мы можем увидеть весь мир и себя в нём. Новая книга Эзры Бускиса «На краю ночи» даёт возможность заглянуть в сердце и в возможность утвердить истину, что смысл жизни — в любви. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-832073-6

© Бускис Э.
© Издательские решения

Содержание

Эпиграф	11
Предисловие	12
Глава первая. Белла и Одесса	13
Одесская осень	16
Письмо с Кавказа	18
На краю ночи	20
Одесский роман	23
Чего не звонишь, Изя?!	25
Твой звонок	28
Мой сон или видение...	30
16-я ст. Фонтана. пляж	33
Чёрные вельветовые джинсы	34
Следы	36
Белла сводила меня с ума...	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

На краю ночи

Эзра Бускис

Бруклин. Квартира. Я пишу.

© Эзра Бускис, 2016

© Alex Mintz, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-2073-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прошел год, как я закончил первую книгу, но я никак не могу отключиться от мыслей о ней...

Оказывается, не так-то просто перестать думать о ней и переписывать ее постоянно, пусть и в уме... Но сейчас я стал думать о следующей, и даже понемногу стал писать...

Это будут размышления о жизни и смерти, о любви и красоте всего живого. Женского тела, например... Ведь недаром художники писали женское тело, а писали они его потому, что оно и есть символ красоты, который они искали. Благодаря этим поискам у них вырабатывался неповторимый, индивидуальный стиль.

Сегодня мне ближе всего Модильяни. Его немыслимо, казалось бы, вытянутые вверх головы на длинных, удивительной формы шеях, с чертами лиц, как бы слегка намеченными. Наверное, поэтому они напоминают мне греческих богов.

А Хаим Сутин на меня действует иначе...

Когда я смотрю на его картины, у меня начинается «болеть жизнь»! Или, как иногда говорит Габи, «я чувствую, что у меня нет жизни в сердце...»

Я рад, что Сутин и Модильяни случились в моей жизни. Я чувствую, что они приняли меня в свою компанию. Благодаря им я ощутил себя писателем, и я им признателен за это!

Но иногда, в минуты отчаянья, меня посещают мысли... Зачем? Зачем я пишу? Неужели это будет кто-то читать? И даже если прочитают, то как это изменит что-либо в моей или их жизни? Ведь все, что я пытаюсь, – это передать свое видение и свои размышления, чтобы посмотрели как бы со стороны, моим взглядом, на нашу жизнь и на то, что происходит в ней с нами. Впрочем, это то, к чему невольно стремится каждый стоящий художник.

Сейчас десять вечера. Я сижу в своем кабинете и пытаюсь писать.

Я много думаю о моей книге, но пока так и не могу выстроить ее в голове.

Все, что я понял, это... «у меня нет жизни в сердце...».

Я плохо сплю... Я думаю 24 часа в сутки... Наконец, сегодня мне показалось, что я начал понимать, о чем я пишу.

Вначале я задумал историю об ограблении (как бы) банка русским таксистом в Нью-Йорке... Но потом я встретил Габи – и все изменилось... Затем я задумал написать книгу для Габи, но потом опять все изменилось... Я опять стал писать о жизни, о смерти, но Габи не отпускала меня... И я пошел отдался течению, течению моей любви... Теперь я сижу в своем кабинете и пытаюсь писать, но мой мозг упорно отказывается работать.

Я ничего не чувствую, и, наверное, поэтому ничего не получается... Надо чувствовать, чтобы писать.

Это как боль... Как можно передать боль? Как можно ее объяснить, объяснить так, чтобы ее почувствовали, как свою?

Понимаете, когда я пишу, я создаю настроение, и в этом настроении все и происходит...

Я остановился на красный свет светофора. Рядом остановился белый мерседес. За рулем сидела блондинка в темных очках. Она медленно повернула свое лицо, посмотрела на меня...

– Ах! – пронеслось в голове... Она была настолько хороша, что я не выдержал... Я поцеловал свою ладошку, подвинул свой поцелуй на середину ладони, направил на нее и дунул... Я видел, как мой поцелуй полетел в ее сторону, и когда он упал на ее губы, я почувствовал прикосновение... Без сомнения, я его почувствовал!

Она посмотрела на меня, улыбнулась, как мне показалось, смущенно... И... Мы разъехались в разные стороны...

Вот что я имею в виду... Я не могу писать по плану... План – это оковы, а мне нужна свобода. Свобода от всего! Традиционную литературу, живопись, искусство вообще, интересует не конкретный объект, а что-то усредненное, что-то общее для всех. С другой стороны, импрессионизм так же, как и я, против общего. Нас интересует каждое мгновение, пусть и случайное, и то, как оно влияет на объект. Нас интересует восприятие, впечатление. «Видеть, чувствовать, выражать – в этом все искусство» – говорили апологеты импрессионизма братья Гонкур. И это очень созвучно мне!

Когда я смотрю на академические картины, меня восхищает, как они точно отображают...волос, пуговицу, морщину на лице, но такая картина не вызывает у меня грез...

Когда же я смотрю работы импрессионистов, моя фантазия не знает пределов. Они будят воображение, будоражат память, уводят в прошлое или к мечте, в будущее... У меня появляется желание что-то дополнить, изменить. Да мало ли что...

Для меня не имеет значения, что изображено, важно лишь – как изображено! Я отношу себя к импрессионистам и пытаюсь писать именно таким образом. Это и есть искусство, как я его понимаю.

Сегодня утром мне пришла мысль, что я знаю, о чем хочу написать, но за раздумьями я потерял ее... Появилось тягостное предчувствие, что что-то должно произойти сейчас, сегодня, что-то такое, что даст толчок мне и поможет писать... И это ожидание утомляет меня...

Внезапно я слышу:

– Наши отношения становятся привычкой... Мы уже не разговариваем сутками, а в перерывах не занимаемся сексом, днями напролет...

Она посмотрела на меня грустными глазами и добавила:

– Не воспринимай серьезно то, что я только что сказала... Даже не знаю, почему я подумала об этом...

И через минуту:

– Я ведь не просто пристаю к тебе...

– Просто... не просто...

– Мне очень тоскливо...

– Нужно терпеть...

– Зачем?

– Может, пройдет...

– Пройдет... не пройдет...

– Я тебя плохо вижу... Солнце за твоей спиной, а ты в тени...

– Сердце... Сердце стучит...

– Значит, ты живой...

– А вот это вопрос...

– Ты живой...

– Разве?

– Ты живой...

– Думаешь?

– Ты живой...

– Не кричи и дай мне руку...

– Зачем?

– Чтобы ты почувствовала меня...

– Вот! Вот тебе моя рука...

Я держу ее руку... Я смотрю вдаль и вижу, как она бежит по белому полю... Белому от снега... Она голая, в белом шарфе... И она бежит по снегу... Нет! На ней шуба и больше ничего... И она бежит по снежному полю...

Сердце... Сердце стучит, проносится в голове...

Неужели правда я живой?!

Я смотрю на нее... Смотрю, как ее лицо меняется... Вижу ветер на ее лице...

И впервые в жизни я чувствую, как кто-то другой грустит от того, что мне плохо... И даже вот-вот заплачет...

Так что же такое счастье? Что такое жизнь?

Иногда мне кажется, я вот-вот найду ответ... Узнаю, что такое жизнь, раскрою этот секрет, который спрятан природой от всех нас...

Ах! Как же мне это необходимо знать! Знать, чтобы жить, чтобы писать!

Внезапно мне показалось, что я не сделал то, ради чего родился... Как сделали это мой дед, мой отец. Мне казалось, что вот-вот и я сделаю, вот-вот у меня получится... Эта мысль не дает мне покоя...

А вот и Габи... Она сидит, смотрит на меня, и до меня доходит... Она ведь что-то говорила, что-то спрашивала, наверное... Но, погруженный в свои размышления, я ничего не слышал...

Она почувствовала это, посмотрела на меня еще раз и сказала:

– Voludo, te amo... (Идиот, я люблю тебя)

– Что?

В ответ она улыбнулась и сказала:

– Вдох и поцелуй, радость и смятение... Это и есть любовь!

Затем подошла... Ладонью взлохматила мою прическу и сказала:

– Понимаешь, умник, когда человек талантлив, он талантлив во всем...

И, безнадежно махнув рукой, закончила:

– С идиотами точно такая же ситуация.

Я еще раз посмотрел на ее симпатичную мордашку, и вдруг меня осенила гениальная идея, которую я так долго искал. Я подошел к столу, сел за компьютер и стал быстро писать, пока идея не затерялась вновь... Я смотрю на монитор моего МАКа и вижу волшебство! Я вижу, как мои размышления превращаются в слова...

Габишка, я родился, чтобы писать, и поэтому, любимая, я решил написать эту книжечку тебе. Будет ли она прекрасна, как ты, я пока не знаю, но я очень стараюсь, стараюсь как могу.

Книга будет начинаться приблизительно так же, как сказка. Скажем, так...

Жила-была девочка и звали ее Габи. Родилась она в Аргентине, в славном городе Буэнос-Айресе, в еврейской семье, и поэтому соседи звали ее «а идише мэйдале», или «пíña judía» (еврейская девочка). Мама ее и бабушка были родом из знаменитого на всю Аргентину города Жмеринка, а папа был родом аж из самой Одессы, что расположена на берегу Черного моря.

Спала она долгое время с бабушкой, потому что жили они небогато, в маленькой двухкомнатной квартире.

Габи очень любила спать с бабушкой, она чувствовала себя уютно и в безопасности, она никому не признавалась, что боится темноты. И только бабушка каким-то непонятным образом знала это, но никогда, ни единым намеком никому об этом не говорила. И каждый вечер маленькая Габи засыпала под песню, которую бабушка ей пела на идиш.

Ви из дыс гэсалы
ви из ди щиб
ви из дыс мэйдале
вэмэн хоб либ
от из дыс гесалы
от из ды щиб
от из дыс мэйдале
вэмэн хоб либ

Где эта улица
Где этот дом
Где эта девочка
Что я влюблен
Вот эта улица
Вот этот дом
Вот эта девочка
Что я влюблен.

В любом произведении важны начало и конец, на мой взгляд – это главное. Вот я и подумал, что заканчиваться моя книга должна взглядом в будущее, а именно – твоим письмом, которое ты пишешь мне из Аргентины.

Как-то так:

«Иногда, когда мама успевает сделать львиную долю работы, а наша дочь спит, я пытаюсь освоить твою печатную машинку, которую стащила у тебя. Сейчас как раз такое время, и я решила написать, то есть напечатать тебе письмо. Нельзя сказать, что мои упражнения безуспешны, но и не исключены ошибки, поэтому заранее прошу мне их простить.

Дорогой мой, Рыжий Рыженький! Так хотелось тогда поговорить с тобой, но пришлось это удовольствие принести в жертву нашей дочурке. Это святое, и поэтому ты должен меня простить. Как раз в половине двенадцатого я должна была кормить нашу дочь, которая выросла на целых семь сантиметров, но если бы только это... Голос у нее тоже «растет». Такая стала крикливая! Заглушает все и всех. Да! Растет наша дочка и, по-моему, очень даже симпатичная (тьфу, тьфу, тьфу). Ей уже полтора месяца, а я все еще удивляюсь, что это наша дочь, мною рожденная. Иногда мне становится страшно, какой ответственный шаг, Рыжий, мы с тобой сделали! Ведь теперь мы с тобой отвечаем за жизнь этого маленького человечка! От нас зависит, какой она вырастет, наша дочь. А ведь она когда-нибудь станет взрослой... Эти мысли для меня равносильны мыслям о Вселенной. Когда я думаю о том, что Вселенная бесконечна, мозги мои начинают завязываться в морской узел. Поэтому лучше думать о настоящем. А в настоящем у меня все те же пеленки, день измеряется кормлениями, а ежедневная проблема: хватит ли пеленок?! Теперь все мои мысли о ней, о нашей дочери и... о тебе.

Очень, очень по тебе скучаю, приезжай скорее. Скоро уже пятнадцатое, а тебя все нет и нет. Еще связались с паспортом. Кстати, о паспортах... Он у тебя уже есть, я надеюсь, и билет тоже... Приезжай скорее! Поживем здесь годик, а потом видно будет.

Потом все сначала...

Рыженький, приезжай! Мы с дочей по тебе очень соскучились! А еще, Ржавый, мне очень хочется спросить тебя... Ты скучаешь о Габишке, как ты называл меня в Бруклине?... Не обо мне теперешней, а о той, что была «до того». Я, например, так очень скучаю! Ты говоришь, нужно быть взрослой. Это очень сложно, а главное – не очень приятно.

В то время, как я философствую, наша дочь, после долгих усилий, кряхтений и возни наконец-то высвободила свои ручки и теперь довольная вовсю ими размахивает. Сама у себя вынимает пустышку и кричит. Придется применить силу. Ух, как я сейчас ее применю...

Ржавенький, пока я не забыла, обязательно привези шорты и много футболок, у нас жарко, это ведь не Нью-Йорк, это Буэнос-Айрес. И очень тебя прошу, ничего не забудь из моих вещей. Все, что я перечислила, привези обязательно!

Коляску не покупай. Она ведь ненадолго, купим здесь, а вот если попадется такой, как у Ганса, складной стульчик – купи. Ну, пока все. Как раз подошло время кормить нашу обжору. Пожелай нам приятного аппетита. До свидания, Рыженький, звони, а лучше поскорее приезжай!

Целую кепку, кепку! Твоя Габишка. Передавай бооольшуший привет всем, кто меня помнит, и обязательно отдельный привет Бруклину, и скажи ему на ушко, что Габи по нему очень скучает.

Вот посмотрела на напечатанное мною письмо и подумала... Все-таки напечатанное письмо какое-то неживое и неприятное. Посему решила своим замечательным почерком, на ломаном русском, вдохнуть в него немного жизни. И письменно сказать тебе еще раз... Мне тебя очень не хватает... А может не тебя, а коньяка... Да! Его любимого... Целую.

P.S.

Вдруг вспомнила наш разговор о том, что остается после нас! Помнишь?

– Когда мы размышляем о первоначале, или причине мира, мы понимаем и в чем смысл бытия или жизни!

К примеру...

Что остается после нас? Что остается после смерти? Или – как мы познаем окружающий мир и себя в нем? – говорил ты с умным видом, как будто лекцию читал.

– И зачем нам это? – спросила я удивленно...

– Как зачем? Если мы не будем знать, что такое жизнь, как же мы узнаем, что живем? И... щелкнул меня по носу.

И здесь, рядом с нашей дочерью, я внезапно поняла, о чем это ты говорил... В общем, без твоего коньяка... ну никак...

Помолчали... Габи вздохнула и тихо спросила:

– А дальше?

– А дальше... я опишу всю свою замечательную жизнь...

– Неужели ты опишешь всех своих подружек, как ласково ты их называешь...

– Да! Но ты будешь разочарована...

– Разочарована?

– Да! Разочарована... Потому что их у меня было не так много, как ты представляешь...

– Неужели меньше ста?

– Меньше...

– Пятьдесят?

– Еще меньше...

– Двадцать пять?

– Меньше, меньше, меньше...

– Ну не мучай, скажи...

– Нет! Мучайся!

– А! Поняла... Ты просто претворялся, что их любил, а они?

– Что они?

– Ты просто их обманывал...

– Они меня тоже обманывали...

– Правда? – с какой—то надеждой спросила она.

– Правда!

– Не могу сказать, что я этим расстроена...

– Так ты, оказывается, засранка...

– Засранка!?

И она улыбнулась...

– Если ты хотел меня этим обидеть, так у тебя не получилось.

Ха. Ха. Ха!

– Почему это?

– Потому, что папа меня так называет иногда, и, что удивительно, – тон у вас одинаковый, не обидный, что ли...

И она показала мне язык...

Я ладонью дотронулся до ее лица, приблизил его и поцеловал...

А Габи звонким от смущения голосом спросила:

– Какая же первая строчка будет в книге, которую ты мне пишешь, если ты, конечно, не передумал...

– Вначале, как и положено серьезной книге, будет...

Эпиграф

*«Чтобы обрести счастье, не нужно отказываться от себя, слушая только чужие советы. У каждой человеческой души – своя индивидуальная миссия в этом мире. У каждого человека, потому, – своя заповедь! Свой путь, свои «врата к Б-гу»
Хасидская мудрость.*

А затем...

Предисловие

Океан! Я плыву... Я не вижу берега. Я не знаю, куда плыть, в какую сторону... Я чувствую, что силы мои на исходе. Я измучен и обессилен. Меня не покидает ощущение борьбы со стихией, и борьба эта не на жизнь, а на смерть. Мое тело ноет... Мои руки, плечи, ноги напряжены, как струны. Мое тело набухает водой и болью. Сердце, мое сердце работает в бешеном ритме... Это из-за волнения, я понимаю... Надо успокоиться, говорю себе. Надо успокоиться и продолжать борьбу. Я глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю и чувствую, как сердце возвращается в нормальный ритм. Я очень устал от борьбы, от волнений, но, несмотря на это, я ощущаю мир и спокойствие. Я лежу на спине, и океан окутывает меня своей теплотой. Мое дыхание медленное и глубокое. Вода поднимается и опускается на уровне моих глаз, и я чувствую, как мое сознание проплывает мимо... Я теряюсь. Времени и пространства не существует! Я не могу сообразить – вечер это или утро. Я не могу сообразить – молодой я или пожилой... Я не могу сообразить, в какой части света нахожусь... И, несмотря на то, что кругом вода, а, может быть, именно поэтому, я чувствую жажду. Неимоверную жажду. Я умираю от жажды! Ах! Мне бы хоть один глоток. Один... Но... Вокруг одна вода. Соленая вода! Ни берега, ни корабля... И меня охватывает страх. Он где-то в моем больном желудке, там, где моя язва. Я панически, судорожно пытаюсь открыть рот, чтобы вздохнуть, чтобы крикнуть, но не могу. Темные низкие облака окутывают небо, и внезапная мысль: «Что же со мной происходит?!». И одиночество заполняет все пространство! Как я попал сюда? Как мне выбраться? Чувство невыносимой тоски накатывает волной... Ах! Как же мне неуютно и грустно... Водоросли (или что-то другое?) тянут меня в глубину, в темные воды океана... Наступает абсолютная темнота, и в этой темноте я чувствую... я чувствую, как я становлюсь другим. Да! Абсолютно иным, чем был до этого невероятного происшествия. Вспышка! Вспышка озаряет мое сознание и наступает момент истины!

Для того, чтобы идти вперед, нужно вернуться, вернуться к началу. Вернуться туда, откуда пришел, и взглянуть на пройденный путь еще раз! И тогда... Тогда ты найдешь ответ!

Глава первая. Белла и Одесса

*Лев Толстой сказал: «Началом всего стало понимание жизни».
А для меня началом понимания жизни стало вот это заявление...*

В Народный суд Одесского городского
Совета депутатов трудящихся
от студентки ОИСИ

Заявление

Будучи в состоянии тяжелейшей депрессии, я сначала убила, а затем надругалась над трупом молодого, начинающего писателя, который ходил всегда в порванных брюках с пятнами, к тому же. И звали его Эзра Бускис. Когда у него были деньги, он пил коньяк, когда их не было, он пил коньяк, и вообще он пил только коньяк, за свои или чужие деньги. Известные алкоголики таких городов, как Одесса и Рига, но особенно славного города Жмеринка, звали его ласково Изя, ну а алкоголики женского пола тех же городов звали его, естественно, Ржавый!

Заявление написано мною в здравом уме и полной памяти, но при частичном опьянении тем же говняным коньяком.

В чем собственноручно подписываюсь.

Я!

Его Несравненная!

– Если ты будешь задираться, я сниму твои штаны и отлуплю тебя по твоей сексуальной попе!

Она посмотрела на меня хитрым взглядом прищуренных глаз и спросила:

– Обещаешь?!

– Что?

– Ну, отлупить по моей попе...

– Нет! Ты ненормальная...

– Думаешь?!

Осень... Холодно... На углу Прохоровской и Комсомольской маленький парк. Мы сидим на скамейке и курим. Она смотрит вдаль и как-то задумчиво говорит:

– Ведь всё так просто... Ты просто должен любить меня, майн либе, и ничего больше...

А я смотрю, как сигарета дымится в моей руке, и молчу. Только чувствую, как желваки двигаются.

– Ты должен любить меня... – повторяет она отчаянно и упрямо.

И... я решил.

Бросил сигарету. Потушил её ногой. Взял её за руку и сказал:

– Всё! Едем на Дерибасовскую в «Братиславу», закажем икру и водку! Будем шуметь, плакать и смеяться.

– Как отдыхающие из Сибири?

– Да!

Но Белла не двигается. Она затягивается сигаретой, смотрит на меня... Нет! Она смотрит сквозь меня...

– Вдруг подумала, что у нас с тобой дом, в котором бегают рыжие непослушные бандитские рожи. А ты не таксист, ты...

– Писатель?

Улыбается...

– А я сижу дома... Занимаюсь детьми. Воспитываю тебя. Готовлю завтрак по утрам. Выгуливаю собаку и не могу уснуть, когда тебя нет дома... А потом, через годы, когда наши дети вырастут и у нас в доме появятся рыжие непослушные бандитские внуки... ты продолжай меня ревновать и ревновать...

Улыбнулась... Грустно посмотрела в пустоту.

– Вот так! Рыжий...

А я всё молчу... и молчу... и молчу... И не знаю, что сказать, как себя вести. Она поворачивает голову, смотрит на меня с выражением брезгливости, скривив губы, и спрашивает:

– Дурной вкус, думаешь?

Яжимаю плечами, как-то смущаясь, и говорю:

– А, я знаю...

А она отчаянно:

– А мне нравится... Так нравится... Просто нет слов.

Я глупо улыбаюсь.

– Смеёшься надо мной?

И, склонив голову на бок, теперь уже весело умничает:

– Смейся! Смейся, паяц, над разбитой любовью...

– Нет! Я не смеюсь!

И кашлянув от смущения, добавляю:

– Мне это даже нравится...

Она кладёт свою ладонь на мою, смотрит прямо в глаза:

– Знаешь, Рыжунчик, иногда мне не хочется доживать до старости.

Я удивленно смотрю на нее.

– Да! Не хочется... У меня уже сейчас морщины, а в старости... Не хочу, чтобы ты видел меня с морщинами на лице. И мне не хочется, чтобы ты видел меня старой.

– Ты – и старой? Не представляю. Хотя...

– Что? Что «хотя»?

– Представляю... Ты толстая, почему-то маленького роста, крашенные, почти красные волосы и вставной золотой зуб, вот здесь...

Она не выдерживает, замахивается рукой. Я прикрываю глаза, потому что чувствую, сейчас, вот-вот, я получу удар, а вместо этого... ощущаю её ладонь на своей щеке и то, как она притягивает моё лицо к своему... Чувствую её удивительно мягкие губы и этот волнующий запах, чувствую, как её волосы окутывают моё лицо, и меня обволакивает мгновение счастья... Ах! Я слышу её сердце... Да! Её и моё... И бьются они как одно... Ну хоть возьми и умри прямо здесь, прямо сейчас!

А через мгновение, как бы издалека, я слышу голос... Её голос...

– Я думаю, что люди становятся старыми и толстыми, когда уже ничего не хотят.

– Или ничего не чувствуют...

Её глаза... Её ресницы... И взгляд какой-то особенный, такой... что я опять чувствую своё сердце. Оно не бьется, оно остановилось... И в этой невероятной тишине я слышу...

– Ты не оставишь меня?

Какое-то страшное беспокойство в воздухе... И мой голос как бы со стороны:

– Как тебе такое пришло в голову?

– Не знаю... Вдруг подумала.

А теперь моё сердце звучит громко, очень громко, так громко, что воробы, испугавшись, разлетаются.

– Моя жизнь началась с тобой... И с тобой же окончится.

Всё! Сейчас сердце выскочит из груди, упадёт и разобьётся на мелкие, мелкие осколки...

– Какая глупость... Тоже мне, Джульетта...
И в этот момент я понимаю... Я чувствую... Сейчас это произойдет!
Она смотрит на меня и очень серьёзно произносит то, что я не могу забыть:
– Я знаю! Я чувствую... Ты появился здесь ради меня.
Я знаю где, но всё равно спрашиваю.
– Где?
– Здесь!
И она пытается объять руками всё... Всё, что её руки могут объять!
– Здесь! – повторяет она. – Неужели непонятно?!
Мне захотелось улыбнуться, но неожиданно даже для себя я говорю:
– Да! Я здесь из-за тебя! Только из-за тебя!

Одесская осень

Самая любимая пора года в Одессе всегда была осень. Любимая осень. Время размышлений, когда руки в карманах теплого пальто, кофе с друзьями по вечерам у них на кухне и приятная грусть.

Не знаю, помнишь ли, когда ты впервые пришёл ко мне, и мы оба были «подшофе» от твоего любимого коньяка, я тебе открыла дверь в спальню, а сама по коридору отправилась в ванную. Я не видела, зашёл ли ты в спальню, но была абсолютно уверена, что ты смотришь мне вслед, и... я специально для тебя совершила этот проход... Как в замедленной съёмке, я шла, раздеваясь на ходу, медленно бросая одежду на пол. Подойдя к двери в ванную, я сняла трусики, лифчик и боковым зрением увидела, какое впечатление произвела на тебя. Да! Это был полный успех! Это то, чего я добивалась! Это был мой звёздный час! Я была великолепна!

А сейчас... Сейчас я – не я, а грустное подобие меня.

Гуляла сегодня по бульвару Фельдмана, как ты его называешь, постояла у Пушкина, а когда прочитала надпись: «А. С. Пушкину – граждане Одессы», взгрустнула как-то, а всё потому, что тебя нет рядом... Ведь такая осень золотая, а погулять не с кем. И я подумала: «На что? Ну на что я трачу свои лучшие годы?!» Ну сам посуди: молодая, красивая, талантливая (это не я придумала, это цитата из одного письма от особы мужского пола). Это я так, для ревности упомянула...

По телику сегодня видела одного мексиканского гитариста, гитараста, по-твоему. Молодой, красивый, талантливый... Вначале подумала: хорошо ему! А потом... А может, он тоже одинокий, может, ему тоже грустно в эту осень золотую... Села за фоно и стала ему подыгрывать. Подумала, ведь Б-г всё видит, может, Он сжалится над моими страданиями и сделает так, что и этому гитаристу когда-нибудь посчастливится меня по телику увидеть. Как ты думаешь? Ведь может такое случиться? Не правда ли?!

Ещё вспомнила, как мы с тобой сидели на склоне 13-ой станции Фонтана и попивали твой любимый коньяк, спрятанный в бумажном пакете... И как мы болтали, смотрели на звёзды, слушали прибор.

Ну когда ты уже приедешь со своей вонючей практики?

Вчера со Светкой ходили в санаторий Горького на танцы. Должна признаться, мы имели там бешеный успех. В меня влюбились сразу два мужика! Сначала какой-то журналист с киевского телевидения, а потом такой рыжий, здоровенный, сорокалетний мужичонка, не сказал кем работает, правда, но оказался очень порядочным – сразу сообщил, что женат. Я им позволила проводить себя по очереди, а затем, вежливо попрощавшись, упорхнула, держа в зубах веточку акации, которую мне преподнёс этот рыжий.

Он мне очень понравился, как человек и как партнер по танцам. Мы с ним так задорно отплясывали, что нам аплодировала не только публика, но и музыканты. Он мне рассказал очень грустную историю своей первой любви. Я её очень внимательно слушала и... тут же забыла, к своему стыду. Так что тебе рассказать не могу. И про жену свою он мне рассказывал. Говорил, что она очень хороший человек, но его совсем не понимает. Затем он очень сокрушался, что я не смогу с ним завтра встретиться. Я, как могла, его успокаивала, не переживай, говорю, у нас, мол, в Одессе много красавиц, а он сказал, что, во-первых, я красивее всех, а во-вторых, ему не только секс нужен, ему поговорить, у моря погулять, на звёзды посмотреть хочется, и что на самом деле мы с ним не случайно познакомились. Он меня, оказывается, в толпе высмотрел, и как только я вошла, он тут же понял, что я и есть та самая... Женщина-Богиня. Ты ж меня знаешь. Я ж научилась не верить, вам, мужчинам, а ему поверила!

Еле сдержалась, чтоб не остаться с ним, и ушла спать, одинокая, как какашка! Крутилась всю ночь, не могла уснуть. Уж очень мне его слова в душу запали – Женщина-Богиня!

Ты, между прочим, меня так никогда не называл! А всё потому, что ты грубый и неинтеллигентный, ну совсем не такой, как он!

А ещё со Светкой ходили в бар «Аksamит Украины». Там было пошло и скучно! Нам даже нализаться не дали как следует. Светка не пила, потому что её тошнило от коктейля, который я ей, между прочим, не советовала. Она сидела скучная и грустная. Публика была там очень странная. Вокруг сидели какие-то альфонсы, перезрелые кокетки с кавалерами и девицы со стеклянными глазами, и музыка была совершенно идиотская... По мне, так уж лучше «Мясоедовскую» «для Роберта, нашего гостя из солнечного Андижана».

Грустные, и ни в одном глазу, вышли мы на улицу, а там ещё и погода мерзопакостная, дождь. Одна радость – быстро поймали машину и разъехались по домам.

Вот такая история приключилась, Изя... Или как тебя там называют на этой гнусной практике, которая мне уже начинает надоедать.

Где-то прочитала, что о лучших минутах нашей жизни мы узнаём от очевидцев. Нет! О лучших минутах нашей жизни мы узнаём, когда расстаёмся с любимыми!

Дарю! И... ухожу к Светке.

Потому что у неё, оказывается, есть коньяк.

Письмо с Кавказа

Не сочти за пренебрежение, что не нашла лучшей бумаги. Увы, другой нет.

Ну вот, первая фраза написана, и я перехожу ближе к телу... К твоему телу, по которому я так соскучилась... Ха! Ха!

Перед Вами, дамы и господа, сочинение на вольную тему, вольную от чего?

Эпиграфа не будет.

Часть 1. Вступление

Исторические предпосылки.

Во-первых, истек положенный срок, три дня, во-вторых, никого нет вокруг и мы как бы вдвоем, ты даже можешь поцеловать меня... Ха! Ха! Следовательно, ой, я забыла, что ты не любишь такие слова, хорошо, постараюсь писать попроще.

Часть 2. Основная

Я по тебе ужасно соскучилась. Точка. Примечание: читается приблизительно, как у Вертинского:

«Я безумно боюсь золотистого плена,
твоих медно-змеиных волос...»

Часть 3. События. Новости. Люди

Как ты там без меня? Не загнулся в пустой общаге? Как я понимаю, денег у тебя уже нет, и поэтому самая главная новость для тебя то, что завтра вместе с письмом тебе вышлют сигареты. Дома я, конечно же, ничего не успела, поэтому договорилась со Светкой, она тебе вышлет посылку. Я ей сказала, что туда вложить, так что всё в порядке.

А теперь самое главное – как твои дела? Как практика? Пожалуйста, напиши. Будь умничкой, не ленись. Занимайся. И сдавай зачёты, а не бутылки... Мне кавалер с хвостами, особенно по геодезии, не нужен! Ну, ни к чему он мне...

А я отдыхаю. Вроде как ничего. Компания большая. Ты никогда не был в Гагре? Тут замечательно. Природа очень яркая. Огромные пальмы, кипарисы, олеандры, магнолии и конечно же море.

Очень много красивых мужчин, но какие-то все они неприятные, что ли... Или мне так кажется? Я от мамы никуда не отхожу. Она даже удивляется. Иди, говорит, погуляй... Познакомься с кем-нибудь... А я ни в какую... Сама себе удивляюсь, а такая ж гулящая была, господи... Только давай... А теперь... Ну, шо там говорить! Наливай свой коньяк!

Так! О мужчинах я написала, теперь о спорте. Тут рядом с нашими хоромами стадион, где тренируются футболисты Одесского СКА, это ж твоя команда?! Посмотрела на их тренировки и подумала... Ничего себе мужчинки, между прочим... Ревнуешь? То-то...

Завтра едем в Сухуми, через три дня на озеро Рица. Ну, не знаю, о чем ещё писать, хоть убей... Если честно, я бы это всё послала подальше, лишь бы быть с тобой. Хочешь верь. Хочешь не верь! Но говорю тебе, как на духу... «Спала я с вами и больше ни с кем...». Потому что... Ну, кто мне нужен?! Десительно, ну кто?! Да никто!

А теперь серьёзно, если я приеду 16-го, а 17-го мне нужно будет ехать в колхоз, то, пожалуйста, сделай так, чтобы я тебя увидела! Мне это обязательно! Потому что мне тебе нужно сказать на твоём любимом идиш: «Их кенышт лэйбн, их кенышт зайн ун дир (Я не могу жить! Я не могу быть без тебя) И это абсолютная правда. Хочешь верь. Хочешь не верь!.. Изя!

Все! Оставляю тебя наедине с твоими мыслями, если они у тебя есть, конечно...
И целу You!

Твоя несравненная! Если не забыл еще...

А на прощанье грустная, но поучительная история...

Сегодня на улице была ужасная жарыща, и мы с утра сидели на море, и там произошла история, которой мне необходимо с кем-то поделиться, но здесь не с кем, поэтому пишу тебе. Друг все-таки. Можно даже сказать – любовник хренов!

Вот! Слушай...

Сегодня утром к берегу приплыла чайка с перебитым крылом. Какие-то мальчишки её подобрали и принесли на пляж. Ну и, конечно, собралась уйма народу, особенно много было детей.

Я никогда не видела так близко чайку... Она оказалась большая, но поразили меня глаза... Они у неё были светлые и грустные... Взяла её какая-то женщина на руки, крыло хотела посмотреть, а чайка молчит и больно ей, видно, до чёртиков... Затем мужчина подошёл, видно, ветеринар. Сложил ей крыло, кто-то нашёл бинт, и он её перевязал, а детишки любопытные, каждый хочет потрогать её, а ей, бедной, и без того плохо... И вот здесь наступил момент истины, надо было взять кому-то её домой, но все людишки порасходились, и чайка осталась у нас. А мама наша оказалась, как все. Она категорически не разрешила её взять домой. Вот нам и пришлось оставить её на пляже, совсем одну... Глядя на неё, и я почувствовала себя совсем одинокой и брошенной... Ведь она приплыла к людям, а люди и помочь ей по-настоящему не смогли... И ещё я подумала, как жаль, что ты не рядом, мы бы обязательно что-нибудь придумали или, в крайнем случае, напились бы твоим коньяком... Вот такая история приключилась, Изя... Или как тебя там называют на этой гнусной практике, которая мне уже начинает надоедать.

Ну и ладно! Ну и пусть...

Но тебя это не должно волновать, потому что у тебя сейчас главное учёба, а не коньяк с девками... Правда?!

На краю ночи

Все выдуманно... Абсолютно! Вся наша жизнь придумана! И когда выпью, я даже знаю – кем... К примеру... Кто-то неожиданно умирает. Кто-то, кого мы даже не знаем... Умирает в шашлычной...

Я и Белла в шашлычной, которая находится на углу Тираспольской и Чечерина, прямо на повороте 4-го трамвая.

Мы удрали с лекции по сопромату и пришли сюда. Зашли. Купили шашлык, вино, теперь едим и болтаем... Вокруг нас в основном мужики. Ни одной женщины и ей как-то неуютно...

– Чего это ты? Ну и хрен с ними. Ты ведь не одна, ты же со мной...

– С тобой любимым?...

– Ну!

И она улыбнулась... Счастливо, как мне показалось, улыбнулась. Затем подняла граненый стакан с красным вином «Лидия» и сказала:

– Лехаим!

Я посмотрел на нее... Посмотрел, как она держит граненый стакан с вином... Улыбнулся...

– Ну, что это ты?

– Ты выглядишь, как настоящий алкоголик...

– Да! Знаю... Мне еще папироску в зубы и я буду настоящая б**дь...

Я не выдержал и стал смеяться... Нет! Я ржал, я не мог остановиться, а она, церемонно держа стакан с отодвинутым мизинцем, свободной рукой вставила воображаемую папироску в рот и лениво спросила:

– Ну? Так мы будем пить? Будем делать Лехаим, наконец? А то меня уже жажда замучила...

И в этот самый момент... Мужик, стоящий рядом с ней и болтающий со своим другом, рухнул на пол... Он стал синеть прямо у нас на глазах... Он дергался и синел... Ах! Как же это было страшно...

Его друг выскочил как ошпаренный на улицу и исчез там... А мы... Мы с ней были загипнотизированы зрелищем умирающего человека... Он умирал у нас на глазах прямо здесь, в шашлычной на полу...

Барменша начала причитать:

– Что же это? Как это? Вызывайте Скорую! Что делать? Ой! Ой! Ой!

Не только мы, абсолютно все были в шоке и молча смотрели, как он умирал... Наконец приехала скорая. Они посмотрели на него и сказали «Все! Уже поздно... Он мертв».

Все это длилось мгновение... Мгновение?! Да! Мгновение, как сама жизнь!

Она продолжала держать стакан в своей руке с оттопыренным мизинцем и молча смотрела на уже мертвого мужика, на меня, на людей вокруг... Она не могла поверить в то, что стала свидетельницей смерти... На нее было жалко смотреть...

Затем она осторожно, очень осторожно, как будто не хотела его разбудить, поставила стакан на стойку, взяла меня за руку и вывела на улицу... Солнце било нам в глаза, а там, в шашлычной, казалось, что на улице пасмурно, дождливо...

Мы молчали. Не разговаривали. Не знаю, о чем она думала, а я подумал...

Как же это все устроено? Мужик пришел с другом выпить, поесть шашлык, поболтать о женщинах, не зная, что он умрет через минуту. Не зная, что его не будет больше... Что его не будет больше нигде!

У меня это не укладывается в голове... Я никак не могу понять, куда люди деваются после смерти... Мне как-то не верится, что после смерти мы исчезаем в никуда, бесследно. Нет! Этого просто не может быть... В глубине души мне всегда хочется верить, что мы пока просто не знаем, как попасть туда, куда все уходит. Мы ведь много чего пока не знаем... И что мы однажды обязательно узнаем, где находится это место!

Удивительно, как в один день все может измениться, и как смерть неизвестного человека заставит тебя задуматься о жизни и смерти.

Так что же такое жизнь? И почему это так нас всех мучает? Почему мы неустанно ищем ответ? И что может случиться (измениться) если, наконец, мы узнаем его, этот ответ...

Джером. К. Джером сказал:

«Смех и вздох, поцелуй и прощание – вот и вся наша жизнь».

Да! Это так!

И в этот момент она заплакала...

Как мне ее успокоить? Что сказать? Разве можно подобрать слова... «Ну что мы можем сделать» или «C'est la vie «... Идиотизм... Он откусил шашлык, сделал глоток вина, упал и умер! Вот и все! И его не стало...

Интересно, если бы он знал, что это его последний день, (как это страшно, «последний день»), как бы он его провел? Все равно пошел бы в шашлычную? А ведь у него наверняка жена, дети... И жизнь...

Что бы каждый из нас сделал в последний день жизни?...

– Успокойся... – тихо сказал я ... – Мы ведь действительно ничего не можем сделать...

– Знаешь, что сказал Сэмюэл Батлер...

– Что?

– Он сказал: «Истинная жизнь человека – та, о которой он даже не подозревает».

Ты понимаешь, как это страшно... Если он (и она показала на шашлычную) так и не узнал, что такое жизнь... И никогда уже не узнает... И знаешь, почему?

– Знаю..., – тихо сказал я, но она не слушала, она отчаянно крикнула:

– Потому что его больше нет!!!

И чтобы ее как-то успокоить, я прочитал ей М. Волошина.

Чтобы не дать материи изникнуть,
В нее впился сплавляющий огонь.
Он тлеет в «я», и вещество не может
Его объять собой и задушить.
Огонь есть жизнь.
И в каждой точке мира
Дыхание, биенье и горенье.
Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье —
Творящий ритм мятежного огня.

Было тихо и солнечно... Мы шли молча, и каждый думал о чем-то своем... А я думал... Почему смерть несет с собой отпечаток какой-то таинственности, даже мистичности?

Наверное, это потому, что ее непредсказуемость, ее неожиданность, ее неизбежность ведет нас за пределы нашего разума, и потому нам кажется, что это наказание за наше непослушание в этом мире.

Смерть – это не противоположность жизни. Смерть – это ее конец! Смерть – это процесс, процесс и борьба живого и неживого.

В психоанализе есть теория о том, что любой живой организм стремится вернуться к неживому, неорганическому состоянию, то есть у любого живого организма происходит постоянная борьба жизни и смерти. . .

И только в фантастических рассказах мы можем повернуть вспять этот процесс.

Иногда мне кажется, что возникновение религий – это реакция на размышления о смерти, и невозможность постичь, что жизнь заканчивается таким вот непонятным образом.

На мой взгляд, существование других миров – самая интересная тема для размышления. В иудаизме, например, говорится, что может существовать множество, великое множество разных миров, но только один из них считается самым главным, и это мир тот, в котором мы живем. Поэтому Тора говорит нам о жизни именно в этом мире, а не в будущем.

Другие религии обещают всем блага, прощения и наказания в следующей жизни (в раю, в аду) и очень много описывают жизнь после смерти, чтобы как-то заинтересовать нас. Но мне кажется, Б-г на самом деле хочет, чтобы мы творили добро только потому, что это разумно, а не для вознаграждения после смерти.

И поэтому Б-г хочет, чтобы о будущем заботился только Он, а мы должны заботиться о том, как нам исправить этот мир и себя в нем!

Одесский роман

А теперь роман, который может случиться только в Одессе.

В одной книге прочитала упражнение для уставших глаз (меня это заинтересовало, так как у меня на работе очень устают глаза). Так вот, нужно ладонями закрыть глаза и широко их раскрыть в полной темноте, вспоминая лучший момент в жизни. Делая это упражнение, я вспоминаю Каролино-Бугаз, вечер после костра, звёзды, море и тебя, еле различимого в темноте. Тебя я только чувствую. Ты – это губы, запах сигарет и твоего любимого коньяка. Я очень рада, что ты случился в моей жизни, но не надо было читать мне свои рассказы... Ох! Не надо было. Уже вечер, но я до сих пор нахожусь под впечатлением, я ничего не могу делать, кроме как писать, и то, по-моему, очень бессвязно, 25 минут... Как быстро они пролетели, но как много я узнала о тебе! Ты мне недавно приснился, приснился очень плохо, я очень хотела тебя увидеть, я испугалась, я думала, что ты заболел и хотела прийти к тебе домой, но я боялась, думала, что ты женат, это меня и остановило. Я верю в сны. Как хорошо, что я тебя увидела! У меня, наверное, был страшно глупый вид. Когда ты позвонил, мне сказали, что звонил Ржавый. Я сразу поняла, что звонил ты. У меня больше нет Ржавых. (А у кого они есть?). Я даже не удивилась, как будто так и должно было быть. Она, секретарша, по-моему, удивилась больше, чем я. (Что это за имя такое, Ржавый? – спросила она). И мне показалось, что она позавидовала...

Знаешь, я тебя сегодня видела и совершенно не запомнила, потому что я не видела твои глаза. Я видела твои губы и как ты ими произнёс, что собираешься жениться. И моментально ты стал чужим. Ты чужой, и я не могла к тебе прикоснуться, поэтому я не смогла тебя поцеловать, когда ты попросил. Я тебя перестала видеть, я только слышала твой голос. Тебя не было со мной, и в то же время ты был со мной. Мне хотелось быть с тобой, и в тоже время убежать сразу после того, как мы увиделись. Вот так, Ржавенький. Ничего, что я ещё тебя так зову? Что же делать, если ты действительно Ржавый!.. Я слушала, как ты читал свои рассказы, и подумала: «Жаль, что я не могу прочитать их сама». Всё это, наверное, глупо писать мужчине, который скоро женится, и не на мне... И хотя всё уже прошло, я всё помню... И как пили кофе в гостинице «Чёрное море»... И как ты не пришёл ко мне в условленное место... И как я в связи с этим плакала на бульваре у «Лондонской» гостиницы у всех на виду, а когда совершенно незнакомая девушка меня успокаивала, я вдруг поняла, что – всё! Это всё! И даже когда я это поняла, мне ничто не помешало нестись, как сумасшедшей, из колхоза на каких-то попутках к тебе, когда мне передали твою записку, где ты написал всего три слова: «Куда ты пропала?». И знаешь, почему? Потому что это было сильнее меня! Потому что я была тогда без головы, это так же точно, как то, что я есть! А потом... Потом была осень, немного неудачная, не очень красивая, но я её всякую люблю... Ведь и ты её любишь? Правда?! Ведь это ты мне привил любовь (тут я улыбаюсь) ... К осени, конечно. Ха! Ха! Ха!

Помнишь мое письмо из Кавказа? Оказывается, в этом мире все взаимосвязано и ничего не бывает просто так.

У каждой причины есть следствие, а каждое следствие рождено своей причиной.

А все по тому, что Человек – это часть целого, которое мы называем Вселенной. Как правильно сказал Эйнштейн

Так вот, продолжаю... Гуляла я, бродила и набрела на туристический клуб, где сейчас тренируюсь и готовлюсь к походу... Да! На Кавказ! Буду там, встречать рассветы, сидеть у костра, петь песни под гитару, считать звезды...

Говорят, что это очищает душу и лечит её же, а я надеюсь, что это поможет мне найти себя.

А ещё я вдруг стала рисовать, впервые в жизни, рисую всё... По памяти пыталась рисовать тебя. Когда нарисовала, казалось, что похож, а когда проявила пленку, обиделась за тебя. Решила отправить тебе почти все имеющиеся у меня слайды, они теперь мне ни к чему, но два оставлю себе (самых лучших, конечно). Имею право!

Скучаю по тебе. Мне снятся твои губы... Твои руки и твоя небритая рожа... Рожа! А где лицо? Помнишь?

И не появляйся больше, пожалуйста... Хотя я всегда буду искать тебя глазами в толпе, на улице, в трамвае. И всегда будет уходить сердце в пятки, когда издали кто-то будет напоминать тебя... Не появляйся! Учатся не на чужих ошибках. Учатся на своих собственных!

И последнее... Я очень рада, что у нас с тобой случился этот «Одесский роман».

Нет! Не надо было читать мне свои рассказы...

Прощай!

Чего не звонишь, Изя?!

А я вот не выдержала и решила написать тебе, звонить не хочется, мне кажется, что я пишу лучше, чем говорю, ну, так мне кажется. А пишу я потому, что забыла рассказать тебе про нашу со Светкой поездку в Москву. Прежде всего, должна сразу сказать, что у нас в Одессе лучше, и это несмотря на то, что в Москве я, как всегда, имела бешеный успех. В оружейной палате все смотрели не на бриллианты-изумруды, а на меня, и совершенно не потому, что я громко чихала из-за простуды, а потому, что никакое чиханье не может умалить мои женские достоинства. Не правда ли?! В этом месте ты перебиваешь меня и говоришь: «Конечно, Несравненная!»

А ещё Светка случайно нашла своего школьного товарища, который оказался миллионером, между прочим. И я очень многое узнала из жизни простых московских миллионеров. Оказывается, все они жутко бедные... И горничные у них бедные, и шофера их, а повара, так те вообще, просто жалко смотреть на них.

Отмечали мой день рождения, в каком-то неправдоподобно богатом ресторане, это всё тот же её школьный друг. У каждого из нас был свой официант и всё такое... И там, среди всей этой роскоши, я вдруг осознала – а ведь меня никто не любит, оказывается. Никто-о-о-о. Я ж такая старая, мне ж исполнилось целных 20 лет. Представляешь?!

И когда это до меня дошло, настроение у меня сделалось, как у «Любительницы абсента» – такое ж горькое, что даже плакать нельзя! И знаешь почему? Потому, что какая бы баба умная ни была, всё равно к ней нужно относиться, как к бабе, – нежно и заботливо, даже если она, как я, – любительница абсента. Когда же до вас, мужчин, я имею в виду, дойдёт это? Только тогда, когда вы перестаете говорить нам комплименты, мы, женщины, становимся безобразными и старыми, а вовсе не наоборот! Посему я и сомневаюсь иногда в ваших умственных способностях.

А теперь повторю очень медленно, может, дойдёт всё-таки... Как только ты скажешь мне (даже по телефону) «Ди быст шенер фын дер велд! (ты самая красивая на свете), я моментально, в эту же секунду стану и красивой, и молодой! ПонЯл?!!

И пожалуйста, не считай меня умным и самостоятельным мужиком. Я не умная и не самостоятельная, а очень женственная и слабая. Как ты умудряешься этого не видеть, Изя!

Коленки ему не сексуальны... Великий специалист по сексуальности! Коленки очень даже сексуальны, да будет тебе известно, умник! Хотя у тебя свои предпочтения, особенно после бутылки твоего вонючего коньяка».

Я отложил письмо, посмотрел в окно... А там осень с жёлтыми листьями... И как-то так грустно мне сделалось.. Но... стал читать дальше.

«Всё, плакаться больше не буду. Незачем. Буду себя воспитывать. Ума мне не занимать. Вот только сил иногда не хватает, но ничего, скоро сила появится и тогда берегись!

Позвонил бы, рассказал бы как дела? Как жизнь, чем живёшь и с кем... Может, влюбился в кого... Мне всё интересно.

Вчера видела твоего друга, Ганса. Ругает тебя почём зря! Говорит, что ты засранец! Я и подумала, может, он прав? Может, ты действительно засранец? Что скажешь, Изя?

Он, оказывается, завёл себе новую любовницу, о которой говорит, между нами, что она хороша в постели, но недостаточно умна, а мне кажется, что он слишком логичен и последователен в своём неофрейдизме. Я думаю, что ему нужно завести любовницу-гуманиста и заняться чистым сексом без примеси всякого там интеллектуализма и эстетизма, это поможет ему спрятать свои мозги, если у него они есть, конечно. Как ты думаешь?

А я пока хожу абсолютно трезвая, потому что бросила пить, курить и секс забросила к чёртовой матери... Интересно, надолго ли меня хватит?

Нет! Не думай, я не жалею. Я плюю на всё. Стыд и совесть уж совсем потеряла и искать не собираюсь. Может, их уже кто-нибудь нашёл, и они им очень дажегодились... Но с другой стороны, вряд ли, конечно, они и у меня не очень-то были хороши, что ли. Нет! Неправильно что-то. Стыд и совесть не могут быть хорошие или плохие. Они или есть, или их нет. Правда?

Светка заходила... Сидели с ней, болтали и, глядя на неё, я подумала... Классная она всё-таки! Очень милая и непосредственная. Найти бы ей хорошего мужика. И мне бы тоже не помешало... Ты не хочешь жениться на мне? Не хочешь?! Да? Ладно Изя, не нервничай... Это я так, даже не знаю, что это на меня нашло. Говорила же, что стыд и совесть потеряла. Помог бы найти, что ли...

А если серьёзно... Мне кажется, что нужно всё забыть. И почту. И театр. И бульвар Фельдмана. Как ты был далеко сегодня от меня... На бульваре, на детской качалке, а потом и по дороге домой. Ты ушёл и даже не обернулся... Ты чужой, ты не мой. Мне хочется невозможного, и мне ещё чего-то хочется, но...

Всего неделя, но какая... А сегодня, вернее, уже вчера, как было хорошо вчера!

Самое приятное было, когда ты неожиданно появлялся у меня, как мимолетное виденье. Знаешь... Иногда мне кажется, что мы расстаёмся. Если это так, должна признаться... Я буду скучать по тебе. А потом, через время, может быть, встретимся, и как после прививки, не восприимчивые, больше не заразимся... (вставь сам слово, которое подходит к нашей болезни, я не знаю, как всё это называется). Уже будем с иммунитетом.

Нет! Ничего не соображаю. Сейчас уже около часу ночи и я пишу какой-то бред.

Уже поздно, ты спишь, наверное... А я сейчас у тебя дома. Хожу на цыпочках, чтоб никого не разбудить, никто не должен знать, что я здесь. Целую тебя в левый ус (ты спишь на правом боку). Целую и улетаю домой. Конец спектакля. Медленно опускается занавес. На аплодисменты не выхожу. Их нет! В зале пусто. А на улице осень и ночь, и только женский голос, мой голос, под звуки гитары поёт голосом Марины Цветаевой:

«Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной
Распущенной и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,

За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас на головами,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами».

Нет! Это все враньё... Пока!

ТВОЙ ЗВОНОК

Ну вот, наконец-то, ты позвонил...

После затяжной депрессии у меня наступило временное просветление, доходящее до маниакального возбуждения. Поэтому спешу написать тебе письмо!

Приветик...

Прежде всего, пока я ещё соображаю, посылаю тебе свой портрет работы Пикассо, который он почему-то назвал «Любительница абсента»!

Хотя... я знаю почему. Потому что я нализалась его, этого абсента. А нализалась я его потому, что мне грустно и одиноко, и ещё оттого, что ты ни черта не понимаешь. Поясняю для умных! Если ты полюбил женщину, ты должен... Нет! Ты обязан овладеть ею! Понимаешь, умник?! Иначе всё теряет смысл. Какой же ты всё-таки... Да! Твой ум меня всегда завораживал. Как же ты не понимаешь? Это же очень просто! Всё! Абсолютно всё теряет смысл, Ржавый! И знаешь, даже если бы ты и был рядом, я бы всё равно нализалась, наверное, но твоим любимым коньяком. А так... я нализалась абсентом! Потому что абсент – это очень интеллигентный напиток. Да! И не смейся! Ведь недаром же он был очень модным в Париже в начале 20 века... Недаром же его пили наши с тобой любимые художники. Но понимаешь, Модии и Хаим Сутин пили его много, но пили его неправильно... А ведь пить абсент это как совершать ритуал. Прежде всего, это... бокал! Пить абсент следует из бокала в виде тюльпана. Далее. Наколотый сахар должен лежать в ложечке с отверстиями, ложку с отверстиями и сахаром нужно греть над свечой так, чтобы размокший и нагретый сахар капал в бокал с этой тягучей, зеленовато-дурманящей и волнующей жидкостью... И только после всего этого можно делать первый глоток... Мне было трудно, потому что я была одинока, но именно так я сегодня пила его и... грустила. Ржавый, ты помнишь наш парк? Помнишь, как некая, совершенно незнакомая женщина, увидев нас, сказала: «Вы так подходите друг другу»... Как она разглядела это? Неужели мы действительно подходим друг другу и неужели это видно невооружённым взглядом? Тересно...

(«Тересно» – это не ошибка, это шарм такой). Здесь я вздыхаю и продолжаю... Мне правда нравился наш парк. И эта безобразная скульптура, про которую ты сказал неуверенным тоном: «Интересно, что он, этот „великий скульптор“, имел в виду, когда лепил это безобразие»... А я сказала, ты что, не видишь, это же «старушка», а ты почему-то стал истерически смеяться... Да! Я люблю этот парк и эту «старушку». И я очень любила смотреть выступления твоего театра на этой зелёной эстраде. Любила поболтать и покурить с тобой у фонтана... И опять я вздыхаю. Так! Про парк написала... Про свою тоску тоже... Про то, что я выпила, тоже...

Теперь напишу о твоём друге, Гансе... Выглядит он нормально, хоть и совершенно ненормален. Всё так же понимает собеседника с полуслова. Не успеешь подумать, а он уже – фить! – и сказал. Я думаю, что это он от тебя научился.

Во второй раз он заходил в моё отсутствие, так как в это время я была в Одессе, где собиралась купить сахар, огурцы и подсолнечное масло. Понимаешь, Ржавый, Аннушка на самом деле не покупала подсолнечное масло, купила его я, а она, стерва, его просто стащила у меня, ну и ты помнишь, чем это всё закончилось... Берлиозом. Мой Мастер!

Ну?! Теперь ты понимаешь, почему абсент и есть очень интеллигентный напиток?!

Потерпи. Я ещё не закончила. Так вот!

Когда ты, наконец, соизволишь приехать, мы встретимся с тобой на том же самом месте и в тот же час. Надеюсь, ты помнишь, на бульваре Фельдмана, как ты его называешь, у Пушкина. Выбор оружия оставляю за жребием, сир!

Но на всякий случай не забудь захватить с собой 5 рублей, на тот случай, если нам помешают и дуэль не состоится... ПонЯл? Теперь об оружии... Я знаю, ты любишь коньяк, но мне будет очень приятно, если жребий выпадет на абсент. И я думаю, он так и выпадет! ПонЯл?!
А теперь маленький сонет в стиле Луиса де Камозэнса. Моей любимой Захаровой.

Была весна,
И с высоты
На землю падали цветы.
Была «старушка» и мечты,
Зелёная эстрада в парке,
Фонтан (для пущей красоты,
А мне – как мёртвому припарка), —
Сегодня вновь приснился ты!

А теперь последнее, но очень важное...

Ты должен мне пообещать. Если мы с тобой когда-нибудь расстанемся и ты встретишь другую... ты не поведёшь её на этот бульвар, и ты не будешь учить её пить коньяк залпом, одним глотком!.. Это только наше... И всегда! Слышишь, всегда! Когда ты будешь пить коньяк, ты будешь вспоминать только меня, и не потому, что мы были с тобой пьяницами, а потому что мы были!

И самое последнее... Потому что меня этот вопрос очень мучает.

Если бы ты меня любил и если бы я тебя любила, – как бы мы любили друг друга?!
Подумай! У тебя есть время...

А сейчас всё! Это конец моего письма... майн либе...

Целую ручки всем лесбиянкам города Одессы!

И... тебя!

Твоя Несравненная! (Запомни, это тебе может пригодиться).

Мой сон или видение...

Я иду по пустому городу. Это Париж. Летний вечер, около семи, но город кажется вымершим... Пустынные улицы. Где все? Где Париж с бурлящей жизнью? Пустые столики кафе, скупающие официанты, ждущие клиентов. Редкие машины медленно проезжают мимо... Кинотеатр... Я смотрю на рекламу у входа и никак не могу решить, хочется ли мне смотреть этот фильм... Нет! – решаю я, – лучше посижу в кафе... Уличное кафе у Северного вокзала. Сажу и пью пиво... Оглядываюсь. Вот двое мужчин оживленно болтают о чем-то... Женщина с внуком заказывают еду... Одинокая женщина пьет красное вино... И внезапно появляется она... Длинноногая красавица... Подходит к моему столику и...

– Привет... Наконец-то ты появился... А ведь я тебя ждала...

У нее потрясающей красоты лицо. Гладко зачесанные волосы, собранные узлом на затылке, и грустная улыбка...

– Тебя так долго не было... Почему?

Я оборачиваюсь, я ищу того, к кому она обращается... И понимаю: она обращается ко мне...

– Кто ты? – спрашиваю я удивленно...

– Белла. А ты кто?

– Я?! Я глупый, грустный и бедный, но у меня большое будущее.

– Да! Я это чувствую. Я могу сесть?

– Конечно, дорогая....

– Закажи мне, пожалуйста, рюмку коньяка.

– Уже заказал.

– Я и не заметила... Это даже как-то неприятно...

– Почему...

– Потому что когда ты начнешь приставать, я могу не заметить...

– заметишь. Я это делаю грубо...

– Надеюсь...

И тут я понимаю... Все! Это Безумие... Я узнал его... Интересно, безумие бывает сексуальным? Да! Конечно... Ведь оно чувственное и печальное, как наша жизнь...

А она продолжает...

– Ржавый, славный, милый Ржавый, плутишка и обманщик! Разве ты меня не узнал?

Так! Это уже серьезно... Я тихо схожу с ума, и мне становится жутковато...

– Знаешь, я с таким удовольствием печатала фотографии и, глядя на них, подумала, что тебе нужно было идти в театральный институт. Ты бы играл там роли дон-жуанов и всяких прочих обольстителей. Посмотри, судя по фотографиям у тебя это очень даже получается...

И она положила свою ладонь на мою щеку...

– Не волнуйся, не переживай. Это все суетка.

Суточка???

Затем она склонила голову набок. Вздохнула...

– Если бы ты знал, как ты дорог мне! Как я жалела, что не я, а Броня сидит у тебя на коленях, когда мы ехали в автобусе из колхоза домой... Хотя, наверное, ты бы ни за что не решился усадить меня к себе, а я бы ни за какие коврижки не приблизилась к тебе сама. И еще мне очень хотелось, утром, перед поездкой домой, положить твою голову к себе на грудь и приласкать эту дорогую мордочку с жесткими рыжими волосиками...

И она грустно улыбнулась...

– Знаешь, а ведь я нехороший...

– Знаю... Не переживай, я могу за себя постоять, если нужно.

– И я могу обидеть...

– Я знаю! Я знаю все... Я сильная! А теперь ты поцелуешь меня, наконец?

И я ее поцеловал...

– Тебе не понравилось? – спросил я удивленно.

Она посмотрела на меня каким-то виноватым взглядом и тихо сказала:

– Понравилось! Очень... Но, понимаешь, мы встретились в плохой, очень плохой период моей жизни...

Подошел официант и принес две рюмки коньяка и оливки... Она взяла свою рюмку и посмотрела на меня...

– Лехаим?

– Лехаим!

Мы выпили, взяли по оливке... Я смотрел на нее и думал, какая она все же удивительная... Эта ее какая-то детская непосредственность и естественность обескураживает, особенно когда она говорит совершеннейшую глупость с какой-то детской убежденностью на лице...

– Оказывается, как сказал наш руководитель театра, по глазам можно легко узнать, правду человек говорит или нет...

Я не мог поверить, что она это серьезно...

– По позе, выражению лица, рукам можно узнать, слушают тебя или нет, даже если человек смотрит прямо тебе в глаза. Представляешь?

– Нет! Неужели это правда? – не выдерживаю я!

Но она не чувствует иронии, она не чувствует, что я смеюсь... Она продолжает восторженно говорить... И глядя на ее восторженность, мне становится немного стыдно за свое умничанье, но, слава Богу, она всего этого не замечает...

– Он привел меня в пример: сейчас ты, говорит, меня внимательно слушаешь, а минуты две назад – нет, хотя, не отрываясь, как и прежде смотрела мне в глаза. И правда, я в то время задумалась о чем-то своем. Меня выдали, оказывается, глаза! Представляешь?...

– Невероятно... – не моргнув глазом, «восхищенно» говорю я.

– В общем, он учит нас наблюдательности, боковому зрению. Так что берегись, – сказала она, и я был абсолютно уверен, что она не шутила, она говорила все это на полном серьезе...

– А еще он сказал, что у меня есть задатки актрисы: естественность и непосредственность.

– Как это я не замечал, – как бы отчаянно сказал я и подумал: только бы не засмеяться. Я старался смотреть ей прямо в глаза с интересом (чтобы глаза не выдали).

Вроде как получилось. Она не замечала смеха в моих глазах! Она была увлечена рассказом.

– Может, я и не должна тебе об этом говорить, но такая уж я хвастушка... И еще он сказал, что по моему лицу всегда можно прочесть мое отношение ко всему происходящему.

– Это же надо! – не унимался я... И подумал: как же это трудно!... Трудно смотреть ей в глаза и не смеяться, черт побери...

– Я считаю, что это плохо, – продолжала она увлеченно.

– Может быть, я когда-нибудь и научусь скрывать свои чувства! Как ты думаешь?

Я кашлянул, чтобы скрыть смешинку, и сказал:

– По моему, тут он не прав. Ты умеешь скрывать чувства...

– Да! Наверное, но мне это чертовски трудно дается. А еще он сказал, что я легко возбуждима...

А вот это мне почему-то не очень понравилось. Я изобразил безразличие на лице и спросил:

– А почему он так решил?

– Ну... Потому что этот Валентин, из нашей группы, помнишь, я тебе его показывала... (терпеть его не могу, еще и потому, что от него всегда скверно пахнет) Так вот, этот Валентин

вдруг заявил, что в нашем институте нет ни одной красивой девчонки. Представляешь?! Мы все принялись его разубеждать, приводить примеры, но он, как упрямый баран, стоял на своем. В общем, когда он все это говорил, я готова была задушить его собственными руками. Но потом это быстро отлегло, кулаки разжались и злость пропала, а жаль!

Она замолчала... Вздохнула... И без всякого перехода сказала:

– Я наверное ничего не смыслю в отношениях мужчины и женщины, но мне всегда они представлялись иначе, чем у нас... Глаза твои молчат... Я боюсь тебя полюбить, мне будет плохо... Я чувствую...

И через мгновение...

– А сейчас я болею. Но хожу в институт. Получила один зачет из шести.. Занимаюсь не покладая рук. Сегодня с утра до вечера рисовала в институте и сдала две работы. Устала, как лошадь, но, что приятно, препод сказал, что они гениальные и что он не ожидал! Можешь всем хвастаться, какая у тебя (уж не знаю кто) гениальная! А правда, кто я для тебя? Неужели Любимая... И еще я «пока» очень по тебе скучаю... Можно сказать даже грущу, когда мы долго не видимся... Ну просто очень... И это несмотря на то, что я гениальная.

Затем она допила свой коньяк, положила в рот маслину и деловым каким-то тоном сообщила

– Все, должна уходить.

И поцеловала меня... Нет! Это не безумие, понял я... Это не моя Любимая... Это просто мои фантазии... Или нет?

А она продолжает...

– А пока настроение у меня ниже среднего, состояние непонятное, в голове что-то неясное и, в то же время, пустота... Короче, «ум тоскует, сердце ноет и душа чего-то ждет». Но иногда мне кажется, я знаю, чего она ждет...

И посмотрев на меня, грустно улыбнувшись, сообщила:

– Сегодня в автобусе попался счастливый билет. Даю его тебе. То есть свое «счастье» отдаю в твои сильные, мужественные руки! Смотри не упусти...

16-я ст. Фонтана. Пляж

Сегодня на пляже произошла достаточно странная история. Приехала Белла и с ней её на диво симпатичная и совсем молоденькая подруга Стелла... Мы втроём поболтали. Стелла даже очень симпатично кокетничала.

И через какое-то время Белла вдруг заявляет:

– Это довольно смешно, когда такой старый козёл, как ты, кокетничает с молоденькой девочкой.

Я возразил:

– Смешно, это когда «старый козёл» кокетничает с молоденькой девочкой, а она в ответ строит рожи, потому что на самом деле ей неприятно, а когда молоденькая девочка отвечает взаимностью и заинтересовано кокетничает в ответ, это...

Здесь Белла перебивает меня и говорит:

– Да! И это вызывает жалость...

И неожиданно со злостью, как мне показалось, добавляет:

– Старый пердун...

А так... У нас все хорошо.

Чёрные вельветовые джинсы

Это были обычные чёрные вельветовые джинсы, и она в них...

Я не мог оторвать взгляд... Я смотрел на Беллу с четвертого этажа больницы и думал... Откуда? Где она их взяла? Сексапильность, неожиданно подумал я, ведь это из английского sex-аппел, литературно – сексуальная привлекательность, а дословно – это секс-призыв, то есть она в них призывала меня к сексу...

В то время я был невероятно худой, а мои длинные волосы делали моё лицо ещё худее. У меня было какое-то двойное чувство... Очень хотел её увидеть и очень не хотелось, чтобы она видела меня. Но... я тут же забыл о своих опасениях. Плевать, подумал я. Уж очень хотелось её видеть. И я побежал к лифту встречать её.

Я стоял у лифта и от нетерпения нажимал на все кнопки... А в голове прокручивал её проход по двору.

Тук-тук-тук... Звук её каблуков разносился по всему больничному двору... Тук-тук-тук... По моей измученной душе... Тук-тук-тук... По моему больному телу... Какие красивые джинсы... Нет! Ноги... Нет! Фигура... Тук-тук-тук... Ах! Как же она классно выглядит... Её стройные ноги в этих чёртовых вельветовых джинсах казались ещё стройнее. А дополняло всё это красное клетчатое пальто... Так скажите, разве это не sex-аппел? Не призыв к сексу, чёрт побери! Я готов был выпрыгнуть из окна... Я готов был помчаться по лестнице вниз... Я готов был... А вот и она! От смущения перехватило дыхание... Да! Она стала ещё красивее... А теперь ещё и сердце стало останавливаться...

Её лицо выражало испуг. Она увидела меня.

– Ты себя плохо чувствуешь?

– Я себя вообще не чувствую...

– Что это значит?

И она ладонью коснулась моего лица... Во мне всё затрепетало.

– Вот теперь начинаю себя чувствовать... – улыбаюсь. – А теперь и тебя.

У меня была королевская палата на одного, как это получилось, никто не знал... И я королевским жестом пригласил её к себе.

– У тебя действительно королевская палата... Даже туалет есть.

Я сел на кровать, она на стул у стола.

Вчера приходил Яша, я старался выглядеть получше... Помыл голову, снял всё больничное и надел свой спортивный костюм, спрятал дренажную трубку под куртку... Посмотрел на себя в зеркало и подумал: вроде ничего. Вышел в фойе больницы с довольной рожей... Яша увидел меня и... не смог сдержать возгласа: «Ты так похудел... ужас».

– А ты? Тоже находишь, что я сильно похудел? – с надеждой, что это не так, спросил её.

Она ладошкой дотронулась моей щеки, притянула... Поцеловала и сказала:

– Я приехала... И теперь у нас все будет хорошо.

– Да? – спросил я не очень уверенно.

– Мы с тобой такие молодые... Ну что с нами может случиться?

И стукнув меня своим кулачком по плечу, добавила.

– Верь мне! Всё будет хорошо...

Посмотрела на меня ещё раз и решительно заявила:

– Прежде всего мы должны тебя помыть! Где здесь ванная?

– Я же вчера мылся... – неуверенно промямлил я.

– А теперь я тебя буду мыть! Где ванная?

И как же мне стало приятно от её решительности.

В ванной, когда я разделся, и увидел, как я похудел, и мне стало опять плохо... Я ужасно не хотел, чтобы она увидела меня таким. Но она, казалось, ничего особенного во мне не видела или очень хорошо сыграла, и это придало мне уверенность, что всё действительно не так уж плохо, и всё у нас действительно будет хорошо.

Из ванной я вышел чистый и красивый! Да! Красивый! Медсёстры увидели нас, улыбнулись...

– У вас замечательная жена. Не все так ухаживают за мужьями.

– Это потому, что она не только моя жена, она моя любимая! – хвастливо заявил я.

Белла смущённо им улыбнулась и тихо шепнула мне:

– Прекрати паясничать!

В палате я сел на кровать, она на стул у стола.

– Принести тебе чай? – спросила она.

– Нет! Спасибо.

Она посмотрела на меня и требовательно сказала:

– Ну! Давай! Рассказывай.

– Что рассказывать?

– Всё, что с тобой здесь произошло, и почему ты такой озабоченный!

– Они позавчера смотрели меня и не могли найти опухоль...

– И что теперь?

– Вчера ещё раз смотрели и ничего пока мне не сказали, но по разговорам врачей, которые делали мне ультразвук, я понял, что они её увидели...

– Ну и хорошо... Ведь да?

– Понимаешь... Здесь, в больнице, рассказывают... Нет! Не так! Здесь, как и везде, где отчаяние соседствует с надеждой, блуждают легенды, что такое бывает.

– Что бывает?

– Что по неизвестным причинам опухоль вдруг исчезает сама по себе, и я поверил...

А вчера снова расстроился.

Она смотрит на меня, склонив голову на бок, и в её глазах я вижу жалость... Жалость ко мне. Ох! Как же хреново мне... Она не верит всем этим басням, а притвориться, что верит, не может.

– Значит, так! Я решил зайти сегодня в кабинет моего врача и посмотреть, что они там нашли! И мне нужна твоя помощь! Мне нужно твое медицинское образование...

– Не нужно! Не делай этого... Это опасно. Если нас поймают, тебя могут выгнать из больницы... – отчаянно сказала она.

– Какая глупость! Никто меня не выгонит из этой чёртовой больницы, и ты это знаешь!

– Не надо... – ещё раз тихо сказала она.

– Нет! Мне нужно знать! Пошли.

И мы, тихо, крадучись, пошли в кабинет врача. Там, в кабинете, как-то случайно мы отыскали мою историю болезни. Белла ее раскрыла и углубилась в изучение... Я видел, как ее лицо меняется. Я впервые видел, как выглядит счастье.

– Что? Что там написано?

– У тебя фиброма!

– Что это? – нетерпеливо спросил я...

– Это вид доброкачественной опухоли. Доброкачественные опухоли могут развиваться из любой ткани. Фиброма – из так называемой соединительной ткани. Она, как правило, хорошо поддается хирургическому лечению и редко рецидивирует. И она прижалась ко мне так сильно, что мы чуть не задохнулись...

Следы

Наши следы не исчезают, я абсолютно в этом уверен! Они остаются навсегда!

– Почему ты не уходишь, я ведь спала со многими мужчинами?

– Мне некуда идти...

На Среднефонтанской был дом, называли его «Пентагон» Жила там девочка, звали ее Белла! Была она смуглая, у неё были чёрные кудрявые волосы и причёску она носила а ля Анджела Дэвис.

Сидели мы как-то с ней в «Братиславе» на Дерibasовской и развлекались. Она выпила очередную рюмку коньяка, посмотрела на меня и с какой-то гордостью сказала:

– Не бойсь! Какая бы я не была пьяная, у меня всегда есть три рубля на машину!

Я никак не отреагировал, я был в задумчивости... Неожиданно подошёл какой-то тип, вопросительно взглянул и пригласил её на танец. Я растерялся и сказал:

– Пожалуйста, пожалуйста...

И пожалел... Почему я позволил ему танцевать с ней?! Я знал, о чём я всё время думал. Но не мог это сформулировать.

Я поднял бокал, глотнул немного и через него посмотрел на кафе. Все и всё были в тёмно-красном цвете и немного *искажённые*, как в кривых зеркалах... Я сделал еще глоток, поставил бокал и ещё раз посмотрел вокруг. Пустые столики. Танцующие пары. А вот и они!.. Посмотрел... Вот, его рука на её талии. Теперь он наклонился к ней и что-то шепчет на ухо... Её лицо крупным планом. Она краснеет и смущённо что-то отвечает ему... Я не хотел думать, не хотел представлять, как это бывает между мужчиной и женщиной, но каким-то образом я это видел. Да! Я видел, как она и он занимаются сексом... Нет, не представлял. Я видел! И почувствовал невероятное смущение, даже испуг. У меня было такое чувство, как будто я подглядываю за ними... Как это? Почему? Почему так происходит?! Когда ты видишь в своём воображении, как она занимается этим не с тобой, а с другим, у тебя возникает ощущение, что это ужасно некрасиво, что это не по-человечески, что это как-то по-звериному... Ах! Почему это происходит так, как происходит? Всё это напоминало мне какое-то извращение. А, может, это и есть извращение?! Иначе почему такое вообще приходит в голову? И ещё... Не может быть, что эти картины приходили в голову только мне.

Да! Это вуайеризм! То есть желание подглядывать за занимающимися сексом. Так неужели я извращенец?! Неужели я вуайерист? Сальвадор Дали говорил: «Я извращенец – вуайерист. Но для художника это совершенно нормально». Он был, конечно, не то что ненормальным, а странным, скажем, но ему простительно, он всё же действительно художник, а мне? А для меня разве это нормально?!

Интересно, что по этому поводу сказал бы Фрейд, это ведь его область... Ещё раз взглянул на них и подумал: а, может быть, я ревную? Фи! Какая мерзость... Я ревную и чувствую, как мне стыдно в этом признаться.

Вот! Он опять нагнулся к ней и опять что-то шепчет. И мне становится жарко и... безразлично. Мне уже ничего не хочется, ни пить, ни есть, ни сидеть в это вонючем ресторане. Мне хочется встать и уйти.

– Какого хера мы вообще сюда зашли? – хриплю я.

Я где-то читал, что символ любви, Амур (или Эрос), произошёл от Хаоса («Зияющая пустота») и представляет собой примитивные силы желания. Да! Простое сексуальное желание и больше ничего... Ещё раз взглянул в их сторону. Почему она краснеет? Что такое он шепчет ей? Может, всё же уйти?! Встать и уйти... Какое-то чувство отчаяния.

Да! Фрейд был абсолютно прав, подумал я...

«Мы никогда не бываем столь беззащитны, как тогда, когда любим, и никогда так безнадежно несчастны, как тогда, когда теряем объект любви или его любовь». И здесь нечего добавить.

Танец закончился. Они подошли к столику. Он кивнул мне головой и удалился.

За столом возникло неловкое молчание.

– Пойдем? – спросил я.

– Как хочешь... – ответила она тихо.

Мы вышли на улицу. На Дерибасовской было шумно и многолюдно. Мы повернули на Ришельевскую и молча пошли в сторону вокзала. Внезапно она, резко повернувшись, спросила:

– Хочешь, возьмём машину? Моя трешка всегда со мной...

– Давай лучше прогуляемся... Может, у вокзала.

Она взяла мою руку и спросила:

– Что-то случилось?

Я пожал плечами, поднял на неё глаза и вдруг как-то резко почувствовал себя одиноким и опустошенным... Свет от фонарей и проезжающих машин освещал её... и она, улица, прохожие казались мне чем-то нереальным. Может, я много выпил? И в этот момент мне показалось... Нет! Я почувствовал... Черт! Это уже было. Всё это... Улица. Вечер. Её глаза... Мне даже показалось, что я знаю, что будет дальше. Да! Сейчас она посмотрит на меня и спросит, задаст вопрос...

И она спрашивает.

– Эзра, их вил фрейгн а шайлэ (я задам тебе вопрос).

Я с опаской посмотрел на неё.

– Ни фи́га себе... откуда? Ты где иди́ша набралась?

– Твою бабушку замучила, она и сказала... Хотелось удивить тебя.

– И когда это вы успели подружиться?

– Я ей нравлюсь...

Она посмотрела на меня и тихо спросила:

– А тебе?

Я молчал... В жопу всё! Не хочу... не хочу разговаривать!

Идём и молчим...

– Для тебя очень важно, что ты не был моим первым мужчиной?

– Какая глупость... – сказал я вслух. А в голове пошли мысли... Откуда это? Действительно... почему это так нас трогает? И ведь не только меня... Всех! Гумилёв, например, так никогда и не простил Анне Ахматовой, что не был её первым мужчиной. Это мучило его все годы жизни с ней. Когда она просила его о разводе, всё, что он спросил, это: «Кто был твой первый мужчина?» Да! Я оказался в хорошей компании, подумал я и улыбнулся. Посмотрел на неё...

– Ты знаешь, что Ева сказала Адаму...

– Что?

– Она сказала... Я понимаю, что ты первый и единственный мужчина на свете...

Но не для меня.

– Вот! Это другое дело... – сказала она, улыбнувшись. И добавила:

– А ты знаешь, что Ева ответила Адаму?

– Что?!

– Она сказала: «Как это дети не похожи на тебя... а на кого?»

И мы рассмеялись.

Она обернулась. Посмотрела на меня и спросила:

– Как ты думаешь, когда мы ходим, наши следы остаются на асфальте, даже если мы не видим их?

Я пожал плечами.

– Давай сядем на эту скамейку и покурим...

Сели. Закурили. Она, посмотрев в даль, промолвила:

– Сегодня прочитала очень грустную историю. Теперь всё время о ней думаю.

– Где?

– Что где?

– Где прочитала?

– В газете...

– Ну, рассказывай... Ты ведь из-за этого закурила.

– Не хочешь слушать и не надо.

– Да ладно... Рассказывай.

– Женщина, отправив мужу сообщение, предназначенное любовнику, покончила с собой.

Она затянулась сигаретой, выпустила дым... Посмотрела в пространство и продолжила.

– Её муж, будучи в командировке, получил от неё СМС. Она писала: «Спасибо за великолепный вечер. Не помню, когда мне было так хорошо последний раз... Если бы мы могли его повторить».

Когда муж вернулся домой, он потребовал объяснений. Она растерялась... И вдруг до неё дошло. Она внезапно осознала, что теряет того, кого действительно любит. Она пыталась объяснить, что это была её первая и последняя измена. И это была абсолютная правда! Она заклинала, она умоляла её простить, но он молчал... На следующий день, сославшись на плохое самочувствие, она отпросилась с работы. А к вечеру её тело обнаружили в автомобиле, возле их дома. Рядом с ней, на сидении, была пустая пачка снотворного.

Она замолчала. Вздохнула. И закончила:

– Вот такая история приключилась, Изя!

Она бросила сигарету. Потушила её ногой. Задумчиво посмотрела на окурок. Подняла его и бросила в мусор.

– Знаешь... а я вдруг подумала... У одних жизнь длится долго, от молодости до старости, а у других всего несколько лет. И я абсолютно не уверена, какая из них счастливее... А ты?

Белла сводила меня с ума...

И... я увидел её маленькую грудь. Ах! Как же мне тоскливо сделалось... Как же мне захотелось прижаться к ней, уткнуться и почувствовать запах. Её запах... Я вздохнул и стал задыхаться. От желания мне стало трудно дышать... А теперь я увидел её синюю блузку. Увидел, как она завязывает её узлом на своих обалденных бедрах. Я увидел её всю – бедра, маленькую грудь, её ладонь с длинными пальцами и с невероятно красивой формой ногтей... И стон вырвался из моей груди. А может быть это моя вечная тоска вырывается?

– Она тебе нравится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.